

Описанию событий или чувств часто предшествуют рассуждения о том, как следовало бы их передать в соответствии с господствующей модой. Так, по поводу возможности бракосочетания Джозефа Седли и Ребекки Шарп Теккерей замечает, что можно было бы трактовать их в изысканном (*genteel*), романтическом или шутливом стиле. Можно было бы рассказать о лорде Джозефе Седли, маркизе Осборне и леди Эмили, но можно было бы рассказать и о любви черного слуги Самбо к кухарке и драке за нее с кучером. Или еще лучше повествовать о том, как возлюбленный *femme de chambre* оказывается взломщиком, который во главе преступной банды врывается ночью в дом и уносит леди Эмилию в ночной рубашке. И глава называлась бы “Ночное нападение” [5, т. 4, с. 60], после чего следуют страницы откровенной пародии на уголовный роман [5, т. 4, с. 61–63] (ср. [9]).

Высмеивает Теккерей и обычаи романистов прекращать свой рассказ, как только герой и героиня вступают в брак – как если бы брак мог положить конец сомнениям и горестям бытия, как если бы он был тихой пристанью, вечно зеленой и отрадной, и мужу и жене ничего не оставалось, как рука об руку путешествовать к счастливой старости [5, т. 4, с. 302]. Мысль о неизбежной, неразрывной связи между ложью как основой жизни и ложью в ее воспроизведении никогда не оставляет Теккерей.

Двойной – опасной и отвратительной – ложью, представляются ему любые насильственные действия человека против человека. Теккерей близок к знаменитому определению Вольтера: война есть бедствие и преступление, заключающее в себе все бедствия и все преступления. И не менее преступны те, кто воспевают и возвеличивают это преступление, возводя его в национальную гордость и святыню. Себя он твердо относит к лагерю не-сражающихся (*non-combatants*) и не хочет принадлежать к “военным писателям” (*military novelists*).

Вызывающе-демонстративно, с сознательно преувеличенной обстоятельностью рассказывает Теккерей о мельчайших подробностях, оттенках отношений своих персонажей, о празднествах и суетности города Брюсселя, о спеси офицеров и соревновании их жен. О великой битве, изменившей судьбы Франции, Англии, России – Европы – мира, он пишет всего несколько простых неприятельных фраз. Внезапно рухнуло героическое сопротивление французов, внезапно обратились они в бегство, а англичане в наступление; плоды его Теккерей не занимают – он сообщает только о смерти капитана Осборна, обожаемого супруга прелестной Эмили. Ведь для Эмили судьба Европы была судьбой лейтенанта Осборна. “Он был ее Европой, ее императором, ее со-

юзными монархами и августейшим принцем-регентом” [5, т. 4, с. 33].

Такое повествование представляет вполне очевидное опровержение обычных военных романов, с подробным описанием битв и доблести сражающихся, опровержение военно-исторических повествований последователей Вальтера Скотта, прежде всего – Бульвера Литтона. Личные переживания частных лиц важнее, с точки зрения Теккерей, чем триумфы и поражения военных сил. Исторические события важны только в той мере, в какой они влияют на жизнь обыкновенных людей. Он не принимает даже патетику обличения ужасов войны, которая прозвучала в III песни “Паломничества Чайльд-Гарольда”. Его описание стремительного перехода от великолепного ночного бала с участием коронованных и титулованных в кровавой битве народов представляется ненавязчивой аллюзией на поэму Байрона.

Если Байрон посвящает событиям несколько строф (III, 21–28), то Теккерей ограничивает описание считанными строками и сопровождает их суровым осуждением традиционного изложения этих событий [5, т. 4, с. 363–364, 373, 377–378]. Скупые строки тонут в потоке бытовых деталей, и романтический ореол войны снижен подчеркнутым вниманием к столкновению мелких чувств и интриг, сопутствующих грозным боевым действиям [10, с. 147–160].

“Частный” негосударственный взгляд Теккерей на великую битву не позволяет ему сосредоточиться на том, что составляет смысл их для традиционных “военных писателей”, но зато позволяет увидеть то, что те никогда не видят: “бессловесные молитвы и горькое отчаяние женщин”. Хроникеры войны, которые пишут блестящие отчеты о сражениях и победах “не позволяют услышать ни плач вдов, ни рыдания матерей среди криков и ликований в великом хоре победы” [5, т. 4, с. 356].

Пошлость, высокопарность военной Музы, по мысли Теккерей, не уступает фальшивому блеску сентиментальных произведений о штатской жизни, которые адекватно отражают ничтожество современности и вместе с тем воплощают ее лицемерие. На страницах романа фигурируют поэтессы, авторши сборников отвратительных стихов с сатирически-пародийными именованиями. Смирная и крайне ограниченная Мисс Бригс – автор книги “Лирика сердца” (*Lyrics of the Heart*), а гордая леди Эмилия Саусдаун – книги “Прачка из Финчли”. Для развлечения больной старухи собирают целые груды поэтических книг под модно романтическими именованиями: “Голос из пламени” (*A voice from the Flame*), “Иерихонская труба” (*A Trumpet-warning to Jericho*), “Разбитые котлы с мясом, или Обращенный Канибал” (*Fleshpots Broken or the Converted Cannibal*) [5, т. 4, с. 387].